

Ж.-Б. Леблон и русско-французские архитектурные связи в эпоху барокко¹

Статья посвящена деятельности архитектора Ж.-Б. Леблона в петровской России, отношению Петра к нему и французской архитектуре, проектам и постройкам Ж.-Б. Леблона, их стилистике, оценкам современниками и потомками, воздействию на дальнейшее развитие барокко в России.

Ключевые слова: Франция, Петербург, Петергоф, Стрельна, парки, дворцы, фасады, интерьеры, барокко.

KAPTIKOV A. Yu.

J.-B. LEBLON AND RUSSIAN-FRENCH ARCHITECTURAL CONTACTS ON THE BAROQUE ERA

The article is devoted to J.-B. Leblon's activity in Russia in the time of Peter I, Peter I's attitude to him and French architecture, Leblon's projects and buildings, their stylistic, estimations by contemporaries and posterities, influence to further development of Baroque in Russia, baroque.

Keywords: France, Peterbourgh, Petergof, Strelna, baroque, places, parks, facades, interiors, baroque.

**Капников
Анри
Юрьевич**

кандидат искусствоведения, профессор УралГАХУ, ведущий научный сотрудник филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» УралНИИпроект

e-mail: henry2@com.ru

Является общепризнанным, что уже во второй половине XVIII в. Франция, выработав собственный «стиль Людовика XIV», лишает Италию ее прочной гегемонии в области архитектуры, а Париж начинает перенимать от Рима значение художественной столицы. С наступлением нового, XVIII в. французская архитектура определенно заняла лидирующее положение в Европе.

Для России то время совпало с реформами Петра I, проводившего политику европеизации своей страны. Потому совершенно закономерна постановка вопроса, насколько Франция привлекала Петра и в области зодчества, в какой мере был востребован им французский архитектурно-строительный опыт и шедшая из Парижа стилистика.

Данная тема давно привлекает исследователей, а поскольку Петром I был нанят лишь единственный, хотя и первоклассный архитектор — Ж.-Б. Леблон, внимание сосредоточилось на нем. Почетное место уделит ему еще И. Э. Грабарь [4], в сжатой форме обрисовав деятельность Ж.-Б. Леблона и его конкретное воздействие на петровское зодчество. В дальнейшем это было углублено Б. Р. Виппером [3] и, несмотря на ряд негативных оценок, В. Ф. Шилковым [10]. Последней по времени появления и новизне некоторых аспектов, в частности, леблоновских

интерьеров, является статья Н. В. Калязиной [6]. Однако высказанному всеми ими и отдельными другими авторами, например, А. Л. Пуниним [9], не достает систематизации. Попытка провести систематизацию предпринимается в настоящей статье, основанной на всем доступном фактическом материале.

Несмотря на то, что связи между Русью и Францией берут начало еще в XI в., когда дочь киевского князя Ярослава Мудрого Анна была выдана за французского принца², у позднейшей Московской Руси они не были сколько-нибудь оживленными, сводясь к эпизодическому направлению посольств. Довольно долго не налаживались контакты и при Петре I. Причину объясняет историк Н. Н. Молчанов: «Франция оказалась той крупной державой Европы, которая больше других имела основания испытывать тревогу по поводу возвышения и усиления России... Франция опиралась на союз с Турцией, которая была естественным врагом России... интересы Франции задевались Россией и в связи со Швецией, которая... являлась союзником Франции. Наконец, Франция была заинтересована в установлении своего влияния в Польше... Таким образом, из-за трех стран Франция вступила в конфликт с Россией». Однако после смерти Людовика XIV, видя, как Россия побеждает в Северной войне, Франция нуждалась в том, чтобы «заменить Швецию более сильным и надежным партнером, а им могла быть только петровская Россия» [7, 345].

¹ Работа выполнена по плану ФНИ на 2019 г. при поддержке РААСН и Минстроя России в соответствии с Государственной программой Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг., Программой фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг.

² Затем Анна Ярославна стала королевой Франции.

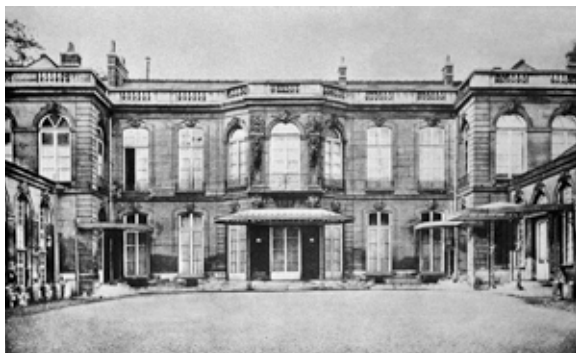

Иллюстрация 1. Париж. Отель Макиньон. Арх. Т. де Куртон. Фото XIX в.

Иллюстрация 2. Париж. Отель Бирон. Арх. Т. де Куртон. Фото А. Ю. Каптикова. 2004 г.

По приглашению Филиппа Орлеанского, регента малолетнего короля Людовика XV, Петр I в 1717 г. наносит визит во Францию. Помимо дипломатических переговоров, он осматривает Париж, отводя главное место тому, что относится к науке и технике. Он посещает несколько академий, Сорбонну, Монетный двор, осматривает картинную галерею Лувра и мануфактуру гобеленов. Но из всех видов искусства у французов Петра I «больше всего интересует архитектура, планировка парков, устройство фонтанов — ведь уже полным ходом шло строительство Петербурга» [7, 351]. Потому он уделил особое внимание Версалию, плавал в гондолах по Большому каналу, ознакомился с Трианоном и Марли (при последнем пускал в ход водоподъемную машину). И «делал много зарисовки, высказал замечания о том, что видел». Потом даже приехал вторично, ибо «здесь ему очень понравилось». По распоряжению Петра «огород Версальский от полат до пруда» обмеряли [9, 100].

О том, какое у него сложилось представление о французской архитектуре в целом, явствует из письма Петра его пенсионеру Ивану Коробову: «...во Франции я сам был, где никакого украшения... нет и не любят, а только гладко и просто, и очень толсто строят, и все из камня, а не из кирпича» [10, 178]. Это, видимо, не очень пришлось по душе Петру I, ориентировавшемуся и в зодчестве главным образом на Голландию.

Тем не менее в то же пребывание в Европе он нанял архитектора-француза, каковым стал Александр Жан-Батист Леблон (1679–1719). В решении он основывался не только на рекомендациях своих агентов Ж. Лефорта и К. Н. Зотова, но и на состоявшемся вскоре личном знакомстве, при котором Ж.-Б. Леблон произвел на Петра I сильное впечатление: «сей мастер из лучших и прямую диаволиною есть» [3, 49; 6, 97; 10, 144].

Забегая вперед, следует упомянуть и то, как у нас отзывались о Ж.-Б. Леблоне впоследствии. Полвека спустя академик Я. Штелин находил, что это «крупнейший архитектор и инженер, который когда-либо был в России» [11, 201]. В начале XX в. И.Э. Грабарь рассматривал его в качестве «быть может, самого оригинального архитектурного дарования в тогдашней Франции» [4, 277]. Позднее Б.Р. Виппер писал: «С Леблоном ему (Петру. — А. К.) посчастливилось — это был действительно архитектор очень крупный, европейского масштаба...» [3, 49]. Даже во многом критически настроенный по отношению к архитекторам-иностранцам при Петре I В. Ф. Шилков соглашался, что у Ж.-Б. Леблона была «высокая культура и большие знания в разных областях архитектуры и строительства» [10, 144].

Действительно, уже к моменту встречи с Петром I Ж.-Б. Леблон снижал себе на родине немалую славу. Им были построены отели Вандом (с парком) и Клермон в Париже, загородный дом и парк в Шатийоне. Будучи прекрасным рисовальщиком, он иллюстрировал издания по архитектуре и, мало того, выступал в них соавтором [подробнее см.: 6, 116]. Не зря новейшие французские историки архитектуры «называют первую четверть XVIII в. во Франции временем Р. де Котта и Ж.-Б. Леблона...», а некоторые даже полагают, что творчество Ж.-Б. Леблона — почти вся архитектура XVIII в. Другие считают его одним из создателей современного жилища» [6, 94].

Прибыв в Петербург в августе 1716 г. с целым штатом помощников, Ж.-Б. Леблон сразу развернул деятельность, соединяя «жизненную прозу и практический склад ума с огромным творческим размахом» [6, 95]. Пользуясь данными ему Петром I широкими полномочиями, он пытался подчинить себе всех работавших там архитекторов, отрицая

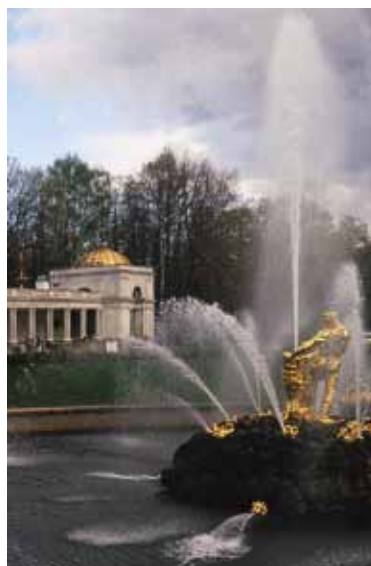

Иллюстрация 3. Петергоф. Колоннада у Ковша. Арх.: Ж.-Б. Леблон, А. Н. Воронихин. Фото А. Ю. Каптикова. 2006 г.

созданное ими, чтоб заменить своим: «...все строения ругает... обещает всему сделать собственные проекты» [10, 148]. Это порождало многочисленные конфликты не только с коллегами (особенно с К. Б. Растрелли)³, но и с А. Д. Меншиковым как генерал-губернатором Петербурга.

Отношения с Петром I по возвращении того из-за границы отнюдь не были гладкими. Петр I не всегда одобрял то, что намечалось Ж.-Б. Леблоном, что видно из указаний царя вроде: «Хорошо, что в Стрельне в Нижнем парке деревья не посажены по проекту Леблона...» Порой сквозит явное недовольство: «Леблон во всех палатах окна велики делает, а простенки узки... объяви ему, чтоб в жилых палатах окна меньше делал... понеже у нас не французский климат» [10, 158]. По свидетельству французского посланника де Лави, «г. Леблон почувствовал грустные последствия

³ Доходило до вооруженного нападения слуг К. Б. Растрелли на Ж.-Б. Леблона.

Иллюстрация 4. Петергоф. Монплеизр. Центральная часть. Арх.: А. Шлютер, Ж.-Б. Леблон, Н. Микетти. Фото А. Ю. Каптикова. 2006 г.

Иллюстрация 5. Петергоф. Монплеизр. Галерея и павильон. Арх. Ж.-Б. Леблон. Фото А. Ю. Каптикова. 2006 г.

Иллюстрация 6. Петергоф. Эрмитаж. Арх.: Ж.-Б. Леблон, И. Браунштейн. Фото А. Ю. Каптикова. 2006 г.

этого обстоятельства». А хорошо осведомленный Я. фон Штелин прямо сообщает, что Ж.-Б. Леблон «был бит царем» [11, 203, 228].

Оставим в стороне широко известный генеральный план Петербурга, несомненно обнаруживающий «очень большое сходство с идеальными городами эпохи Возрождения» [2, 416]. Его совершенно справедливо критикуют как отмеченный «формальным, оторванным от действительности характером» [8, 298], пренебрегавший многим уже существовавшим в городе. Представляется куда важнее то, что по проектам Ж.-Б. Леблона так или иначе предполагалось или было осуществлено в пригородах и самой петровской столице.

Относительно Петергофа до сих пор не исчезло расхожее представление, будто он — этакий «русский Версаль». Между тем еще А. Н. Бенуа указал на коренное отличие: «Петергоф как бы родился из пены морской, как бы вызван к жизни велением могучего морского царя. Петергоф — резиденция царя морей. Фонтаны в Петергофе — не придаток, а главное. Они являются символическим выражением водного царства, тучей брызг того моря, которое плещется у берегов Петергофа» [цит. по: 1, 40].

Ж.-Б. Леблон и впрямь застал отнюдь не подражательный и уже воплощаемый замысел Петра I. Дворец и Монплеизр были вчерне сооружены, Нижний парк разбит. Поэтому проектные предложения француза «в основном не изменили первоначальные идеи планировки и сводились главным образом к художественной разработке и улучшению деталей...» [10, 150]. У дворца был несколько изменен фасад за счет перебивки окон. На очередь встала пристройка по бокам галерей с павильонами, по эскизам Ж.-Б. Леблона шла внутренняя отделка. В Монплеизре он руководил только убранством интерьеров и их благоустройством (водопровод в кухне, туалеты со смывом)⁴.

4 Вопрос об атрибуции галерей и «люстгаузов» павильонов Монплеизра остается спорным, однако до сих пор только Н. А. Евсина указывает на Ж.-Б. Леблон, приписывая ему и переделку покрытия [3, 51].

Леблоновские интерьеры, чей декор выполнялся его соотечественниками, среди которых были такие незаурядные мастера, как скульптор Н. Пино и живописец Ф. Пильман, замечательны в первую очередь использованием деревянных панелей (кабинет Петра I в Петергофском дворце, Дубовый кабинет Монплеизра)⁵. В кабинете Петра I они превращаются в резные панно с изображением щитов, мечей, музыкальных инструментов, цветов. Данный вид отделки распространен в «стиле Людовика XIV» (например, Большой Трианон в Версальском парке, арх. Ж. Ардуэн Мансар). Но по поводу самого характера резьбы, практиковавшегося помощниками Ж.-Б. Леблон, мнения расходятся. Одни (В. Ф. Шилков) считают ее выполненной «в духе увражей, ставших образцами для французского искусства», образцом «чужого французского искусства в России», противопоставляя «богатой декоративной экспрессии, присущей русской национальной резьбе», проявившейся тогда в иконостасе Петропавловского собора [10, 152, 166]. Другие (Б. Р. Виппер), не отрицая «чисто европейский репертуар применяемых Ж.-Б. Леблоном декоративных мотивов», тем не менее, считают, что «по основному принципу низкого рельефа и сложного плетения плоского узора убранство интерьеров Ж.-Б. Леблон вполне соответствовало декоративным традициям русского народного узорочья» [3, 51]⁶.

Что касается планировки петергофского Нижнего парка, то хотя Ж.-Б. Леблон и следовал приемам знаменитого А. Ленотра, ему здесь пришлось увязать «геометрию французского стилизованного парка с динамичным рельефом почвы, свойственным итальянским садам» [3, 51]. Кроме того, введена в дополнение к основной радиальной системе, предопределенной Петром I и расходящейся от Большого каскада, другая, что расходится от Марли.

Ж.-Б. Леблон, безусловно, участвовал в разработке монументально-декоративного оформления Большого каскада. Колоннады по сторонам «Ковша», даже если их и соорудил кто-либо другой, тоже несут отпечаток его манеры⁷.

В итоге «в Петергофском парке и дворце чувствуется размах мощного подъема и стихийной силы, чуждый и французскому, и итальянскому барокко... Петергофский ансамбль по существу мировосприятия и по своеобразному эстетическому воздействию является одновременно и ев-

5 Н. В. Калязина связывает с Ж.-Б. Леблоном и Ореховый кабинет во дворце А. Меншикова на Васильевском острове [6, 112].

6 Тот же автор склонен разделять во внутреннем убранстве дворцов петровского времени отделку деревом и «массивную лепнину», относя последнюю к А. Шлютеру и Н. Микетти. Отметим, что динамичные карниаты в Купольном зале Монплеизра вполне могли быть французской работой — например, Н. Пино.

7 Недаром, когда Павел I затеял в 1800 г. сооружение колоннад заново, он высказал архитектору А. Н. Воронихину пожелание, чтобы их «леблонский стиль остался».

Иллюстрация 7. Петергоф. Марли.
Арх.: Ж.-Б. Леблон, И. Браунштейн.
Фото А. Ю. Каптикава. 2006 г.

ропейским, и в высокой мере национально-русским» [3, 51–52].

В Петергофе к творчеству Ж.-Б. Леблону могут быть отнесены также Эрмитаж и Марли, выстроенные после его смерти И. Браунштейном, который при Ж.-Б. Леблоне занимал сугубо подчиненное положение, будучи им назначен всего лишь контролером (на современном языке — прорабом). Нельзя не согласиться с В. Ф. Шелковым, что «вообще весь характер архитектуры Марли и Эрмитажа — чисто французский и определенно леблоновский» [10, 158]. В облике обоих немало сходства с тогдашними парижскими отелями. Добавим, однако, что на фасаде Эрмитажа наряду с пилястрами большого ордера, выведенными поверх рустованных тяг, присутствует «полуглавие» — изгиб карниза, типичный для Москвы Петровской эпохи.

Параллельно с Петергофом Ж.-Б. Леблон занялся другим пригородом Петербурга — Стрельной, которым Петр I в 1715–1723 гг. интересовался больше Петергофа [4, 277]. Как писал современник, Петр I решил «воздвигнуть здесь нечто значительное и создать второй Версаль... его царское величество твердо решили не останавливаться ни перед какими затратами по отношению к этому дворцу» [10, 111]. Неудивительно, что леблоновский проект дворца отличается такой эффектностью, пространственным размахом. Он предполагался П-образным в плане, с курдонером и боковыми крыльями-галереями, к которым примыкали бы корпуса театра и церкви. «Строгая

Иллюстрация 8. Стрельна. Дворец. Проект. Арх. Ж.-Б. Леблон.
Государственный Эрмитаж

Иллюстрация 9. Стрельна. Дворец. Центральная часть. Арх.: Н. Микетти, Т. Усов.
Фото М. В. Голобородского. 2015 г.

протяженность здания подчеркнута непрерывной полосой дорийского фриза и оживлена... тонкой игрой разнообразных силуэтов крыши» [3, 50]. По центру, заключающему во всю высоту выступ-вестибюль, а за ним зал — двухъярусный портик с фронтоном. Завершением служил бы своеобразный «усеченный» купол на низком барабане с наделенными окнами диагональными гранями.

Этот проект впоследствии вызывал особые восторги исследователей, находивших его отмеченным «чисто по-французски сочетанием строгости с изяществом» [3, 50]. Но к постройке по нему так и не приступили. А то, что было заложено в 1720 г., когда Ж.-Б. Леблону уже не было в живых, получило совсем иной вид, имея посередине проход с многоколонными пилонами (арх. Н. Микетти?) и будучи закончено только при Екатерине I Т. Усовым. Фактически ничего не осталось от почерка Ж.-Б. Леблону в стрелнинском парке, хотя здесь он намеревался создать, по оценке В. Ф. Шилкова, «оригинальный, единственный в своем роде водный сад» [10, 154].

В самом Петербурге, кроме предложений по Летнему саду, реализованных лишь отчасти, потому что они расходились с собственноручным эскизом Петра I [9, 101–102], Ж.-Б. Леблон занимался разработкой «образцовых» (типовых) жи-

лых домов. Во всяком случае, тот, что для «именитых» — двухэтажный «на погребках», с мансардами, содержит бесспорные французские черты, чем сильно отличается от остальных, делавшихся Д. Трезини. Вместе с тем попытки отстаивать свойственную французским отелям постановку «между двором и садом» для Петербурга, где дома требовалось возводить строго по красным линиям, оказались безуспешными.

Ж.-Б. Леблону вскоре по прибытии был заказан проект дома генерала-адмирала Ф. М. Апраксина. При сильной растянутости по фронту он имел трехосевую композицию с ризалитами — центральным, венчаемым фронтоном, и по краям. Всем трем придавались повышение кровель и чердачные окна. Между ризалитами устраивались внизу лоджии, оформляемые парными колоннами, — прием, широко употреблявшийся во французских дворцах «стиля Людовика XIV» (восточный фасад Лувра архитектора К. Перро, уже упоминавшийся Большой Трианон). Во фронтоне мезонина помещался герб Ф. М. Апраксина.

Однако сооружение дома (1717–1719) было поручено Федору Васильеву, и он вместо двухэтажного вышел трехэтажный. Исчез фронтон⁸, тогда как над боковыми ризалитами

⁸ Герб, оказавшийся без обрамления, выполнил французский скульптор, помощник Н. Пино, Б. Симон.

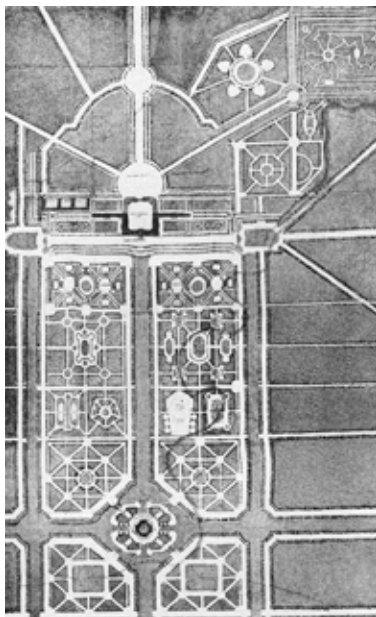

Иллюстрация 10. Стрельна. Парк. Проект. Арх. Ж.-Б. Леблон. Государственный Эрмитаж

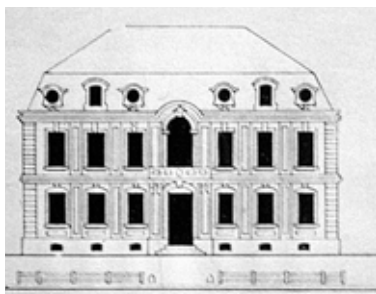

Иллюстрация 11. Петербург. Образцовый дом для именитых. Проект. Арх. Ж.-Б. Леблон

появились фигурные, с люкарной, аттики. Такие изменения, как уменьшение окон и соответственно увеличившиеся гладкие плоскости стен, являлись следствием учета климата (на что Ж.-Б. Леблону, как мы знаем, уже указывалось). Тем не менее дом с огромным, на пять окон двусветным залом и «стихией зеркал» считался тогда «лучшим и роскошнейшим во всем Петербурге» [6, 110, 126]. Недаром именно в нем поселилась в 1732 г. переехавшая из Москвы императрица Анна Иоанновна, повелевшая вскоре Ф.-Б. Растрелли перестроить его в Третий Зимний дворец.

Ж.-Б. Леблон умер, по выражению И. Э. Грабаря, «посреди кучи начатых дел» [4, 277] в феврале 1719 г. По одной версии — от оспы [6, 116], по другим — от побоев, нанесенных ему Петром I [11, 203].

Заключение

За два с половиной года, которые Ж.-Б. Леблону суждено было проработать в России, он не смог

Иллюстрация 12. Петербург. Дом Апраксина. Проект. Арх. Ж.-Б. Леблон. Государственный Эрмитаж

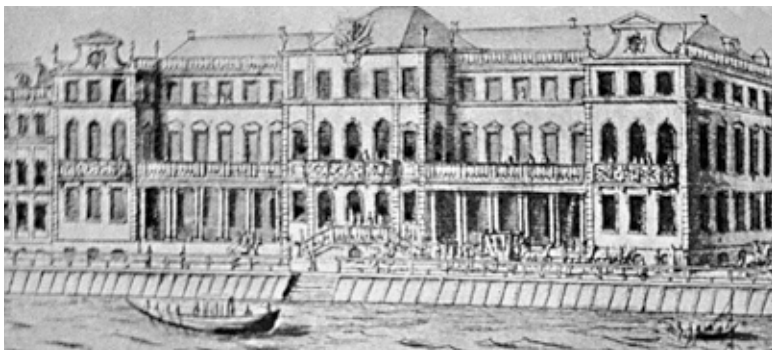

Иллюстрация 13. Петербург. Дом Апраксина. Арх.: Ж.-Б. Леблон, Ф. Васильев. Рисунок Х. Марселиуса. Государственный Эрмитаж

в полной мере продемонстрировать свой художественный почерк, хотя, как обоснованно считал И. Э. Грабарь, способен был породить «целый стиль, совершенно иной, нежели мансаровский или блонделевский, если бы ранняя смерть не прервала жизнь этого гениального фантазера...» [4, 277]. На отличия проектов Ж.-Б. Леблона от происходивших у него тогда на родине сдвигов зодчества указывает Б. Р. Виппер: «В то время, как во Франции стиль Regence (раннее рококо. — А. К.) знаменует собой отказ от классических идеалов... эволюцию от пышности к легкости, в Россию стиль Ж.-Б. Леблона принес влияние классических форм и вместе с тем стимулировало развитие в сторону большего великолепия, сложности и красочности» [3, 50], что как нельзя лучше отвечает самому понятию «барочного классицизма»⁹. Данная тенденция к тому же отвечала изменившимся запросам петровского двора, дотеле скромного, но в конце правления Петра I уже все более тяготевшего к представительству и роскоши.

При всей интенсивности работы Ж.-Б. Леблона отведенное ему время не позволило завершить ряд его начинаний, а некоторые замыслы остались нереализованными. Тем не менее ему правомерно отводится весьма видное

место во всей архитектуре петровского времени.

Несмотря на то, что отдельные авторы (В. Ф. Шилков), приписывая Ж.-Б. Леблону «полное игнорирование русской архитектурной культуры и русских строительных традиций... механическое перенесение западноевропейского опыта, без учета специфических местных условий, формальность и нереальность большинства архитектурных идей», признают лишь его «большое значение для общего повышения уровня архитектурно-строительной культуры и строительной техники, для организации подготовки кадров и упорядочения проектного дела» [10, 154]. Однако нам куда ближе оценка Б. Р. Виппера: «...Леблон явился в Россию не только первым представителем французской художественной культуры, но и провозвестником совершенно нового для России варианта европейской архитектуры, и притом в тех двух областях архитектурного творчества (композиций больших архитектурно-парковых ансамблей и в украшении интерьера), которые до сих пор были наименее разработаны в русском зодчестве» [3, 49].

Присоединимся и к суждению Н. В. Калязиной, согласно которому, «размеры его (Леблона. — А. К.) вклада в русскую архитектуру не должны исчерпываться только реально им сделанным, они измеряются и влиянием на коллег-архитекторов и последователей...» [6, 116].

Уместно указать, что Ж.-Б. Леблон в какой-то степени создал собствен-

⁹ Это несмотря на то, что, к примеру, его сотрудник Н. Н. Пино очень точно характеризуется Г. М. Пресновым как «типичный представитель французского рококо начала XVIII в. с его... не-принужденной грацией изогнутых форм и линий» [5, 447–448].

ную школу. Так, Ф.-Н. Жерар, приехавший с ним в качестве его «рисовальщика», остался в России¹⁰, где к середине столетия стал, по характеристике А.Н. Петрова, наиболее интересным из зодчих-иностранцев, работавших тогда в Петербурге. Будучи «домовым архитектором» фельдмаршала Б.Х. Миниха, он возвел тому великолепный дворец на Васильевском острове и, помимо этого, «под его смотрением каменных домов построено, також и садов разведено довольное число» [5, 242–243].

Важно, что леблановские композиционные приемы находят продолжение у крупнейшего мастера всего русского барокко, чей талант развернулся уже в елизаветинскую эпоху, — Ф.-Б. Растрелли. Совершенная им перестройка Петергофского дворца явилась прямым развитием творчества Ж.-Б. Леблана, сохраняя, при том же общем линейном построении, галереи и павильоны. Предполагавшиеся Ж.-Б. Лебланом как части стрельнинского дворца театр и церковь, связанные галереями, были осуществлены Ф.-Б. Растрелли в Четвертом Зимнем дворце, хотя и при иной схеме здания в целом. Ф.-Б. Растрелли перенял и многие принципы украшения интерьеров. Это и величественные двусветные залы, и обилие зеркал, и преобладающая, по сравнению с лепниной, деревянная резьба, порой с такими же наборами военной и другой атрибутики.

Приемы, идущие от Ж.-Б. Леблана, прежде всего, П-образный план с курдонером и флигелями, предложенный им в Стрельне, обнаруживается в России за пределами эпохи барокко в дворцовых и усадебных постройках Ю.М. Фельтена, И.Е. Старова и других представителей русского классицизма, своим происхождением тоже объяснимого Франции.

Список использованной литературы

- 1 Ардикуца В.Е. Фонтаны Петродворца. — Л.: Лениздат. — 1972. — 144 с.
- 2 Бунин А.В. История градостроительного искусства. — М.: Стройиздат, 1979. — Т. 1. — 495 с.
- 3 Виппер Б.Р. Архитектура русского барокко. — М.: Наука, 1978. — 232 с.
- 4 Грабарь И.Э. О русской архитектуре. — М.: Наука, 1969. — 423 с.
- 5 История русского искусства / под ред. И.Э. Грабаря. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — Т. 5. — 572 с.
- 6 Калязина Н.В. Архитектор Леблон в России (1716–1719) // От Средневековья к Новому времени. Материалы и исследования по русскому искусству XVIII — первой половины XIX в. / под ред. Т.В. Алексеевой. — М.: Наука, 1984. — С. 94–124.
- 7 Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. — М.: Междунар. отношения, 1990. — 448 с.
- 8 Пилявский В.И., Тиц А.А., Ушаков Ю.С. История русской архитектуры. — Л.: Стройиздат, 1984. — 512 с.
- 9 Пунин А.Л. Санкт-Петербург в эпоху Петра Великого. — СПб.: Лики России, 2014. — 212 с.
- 10 Русская архитектура первой половины XVIII века. Исследования и материалы / под ред. И.Э. Грабаря. — М.: Стройиздат, 1954. — 599 с.
- 11 Штелин Я. Записки об изящных искусствах в России. — М.: Искусство, 1990. — Т. 1. — 448 с.
- 12 Эрмитаж: история и архитектура зданий. — Л.: Аврора, 1974. — 280 с.

References

- 1 Ardikuca V.E. Fontany Petrodvorca. — L.: Lenizdat. — 1972. — 144 s.

¹⁰ Как и некоторые другие представители леблановской «команды», к примеру, замечательный резчик Мишель, продолжавший работать в петербургских дворцах в 1730–1740-х гг.

- 2 Bunin A. V. Istoriya gradostroitel'nogo iskusstva. — M.: Strojizdat, 1979. — T. 1. — 495 s.
- 3 Vipper B. R. Arhitektura russkogo barokko. — M.: Nauka, 1978. — 232 s.
- 4 Grabar' I. E. O russkoj arhitekture. — M.: Nauka, 1969. — 423 s.
- 5 Istoriya russkogo iskusstva / pod red. I. E. Grabarya. — M.: Izd-vo AN SSSR, 1960. — T. 5. — 572 s.
- 6 Kalyazina N. V. Arhitektori Leblon v Rossii (1716–1719) // Ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni. Materialy i issledovaniya po russkomu iskusstvu XVIII — pervoj poloviny XIX v. / pod red. T. V. Alekseevoj. — M.: Nauka, 1984. — S. 94–124.
- 7 Molchanov N. N. Diplomatiya Petra Velikogo. — M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1990. — 448 s.
- 8 Pilyavskij V. I., Tic A. A., Ushakov Yu. S. Istoriya russkoj arhitektury. — L.: Strojizdat, 1984. — 512 s.
- 9 Punin A. L. Sankt-Peterburg v epohu Petra Velikogo. — SPb.: Liki Rossii, 2014. — 212 s.
- 10 Russkaya arhitektura pervoj poloviny XVIII veka. Issledovaniya i materialy / pod red. I. E. Grabarya. — M.: Strojizdat, 1954. — 599 s.
- 11 Shtelin Ya. Zapiski ob izyashchnyh iskusstvah v Rossii. — M.: Iskusstvo, 1990. — T. 1. — 448 s.
- 12 Ermitazh: istoriya i arhitektura zdaniy. — L.: Avrora, 1974. — 280 s.

Anry Kaptikov

candidate of Art history, professor of USAAA,
leading researcher of FSBI «TsNIIP Minstroy Russia»
UralNIiproekt, Russian Federation
e-mail: henry2@com.ru

Статья поступила в редакцию в мае 2019 г.

Опубликована в сентябре 2019 г.